

Ноты трагического отчаяния усиливаются в росписи капеллы Паолина в Ватикане (1542—1550), где Микеланджело исполнил две фрески — «Обращение Павла» и «Распятие Петра». В «Распятии Петра» люди в оцепенении взирают на мученическую смерть апостола. В них нет силы и решимости противостоять злу: ни гневный взгляд Петра, образ которого напоминает требующих возмездия мучеников «Страшного суда», ни протест юноши из толпы против действий палачей не могут вывести застывших в неподвижности зрителей из состояния слепой покорности.

Однако трагический характер этих произведений не означал отказа Микеланджело от прежних гражданственных идеалов. Созданный им в конце 1530-х годов бюст Брута (Флоренция, Национальный музей, *илл. 102*) был своеобразным откликом художника на убийство флорентийского деспота герцога Алессандро Медичи, совершенное его родственником Лоренцино. Вне зависимости от побуждений, которыми руководился Лоренцино, поступок его воспринимался художником как светлый подвиг. Микеланджело часто повторял: «Тот, кто убивает тирана, убивает не человека, а зверя в образе человека». В бюсте Брута он создал образ гордого, несгибаемого республиканца, облик которого дышит доблестью и благородством. Подлинно героическое содержание этого образа выделяет его среди других произведений Микеланджело данного периода, отмеченных чертами надлома, и заставляет вспомнить создания первых десятилетий 16 века. Но, в отличие от «Давида» и «Моисея», в которых микеланджеловская *terribilità* — предельное напряжение воли — составляла основную черту внутренней характеристики образа, подчинявшую себе все другие стороны личности, образная характеристика «Брута» отличается большей широтой и многоплановостью. Воля и решимость, с такой пластической наглядностью выраженные в гордом повороте головы Брута, не заслоняют других его качеств — мощи интеллекта и большой